

Д. Н. Прасолов

НАЛЬЧИК И КАБАРДИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

УДК 94(470.6)''18/19''

ББК 63.3(235.7)531

На примере истории Нальчика рассматриваются особенности реализации городских социально-экономических и культурных стратегий представителями кабардинского общества в процессе интеграции Северного Кавказа в административно-политическую и социокультурную систему Российской империи. Со второй половины XVIII в. началось военно-политическое покорение кабардинцев. В этом процессе определенную роль сыграли русские крепости Моздок и Екатериноград, заложенные на территории Кабарды и преобразованные впоследствии в города, но так и не ставшие ее административным центром. Нальчик, возникнув в 1818 г. как крепость, в 1838 г. дополнился военным поселением, а в 1862 г. получил статус слободы, однако, став центром Кабардинского (с 1882 г. — Нальчикского) округа и фактически реализовав городские функции, он до 1917 г. так и не был юридически возведен в статус города. В статье показаны формы осуществления в Нальчике административно-судебных, торгово-хозяйственных и культурно-просветительских стратегий, отмечается их ограниченность и ситуативность и рассматриваются факторы, препятствовавшие закреплению кабардинского населения в социокультурном пространстве окружного центра. Замкнутость социальной организации слободы, недостаточная приспособленность ее поселенческой структуры к религиозным нуждам местного населения, несовместимость экологических подходов к эксплуатации ее природного ландшафта и сохранявшийся языковой барьер ограничивали этнокультурное взаимодействие. Анализ основных направлений освоения различных форм городской культуры кабардинским обществом и населением Нальчикской слободы выявил, что их несогласованность, а в некоторых отношениях противоречивость, обусловленные устойчивостью социальных и этнокультурных границ, препятствовали урбанизационным процессам в Нальчикском округе.

Ключевые слова: *кабардинцы, интеграция, Российская империя, Нальчикский округ, урбанизация, слободское самоуправление, Съезд доверенных, Горский словесный суд*

Проблемы формирования и развития северокавказских городов в период Российской империи все больше привлекают внимание исследователей.¹ Особенно существенный вклад внесли ученые Северной Осетии,² что в немалой степени объясняется значимой ролью Владикавказа в истории народов Терской области, и прежде всего в социокультурном развитии осетин. Отсутствие в истории кабардин-

ского общества подобного города косвенным образом ограничивало научные исследования по городской проблематике досоветского периода. В преимущественно краеведческих работах рассматривалась история Нальчика,³ но не его влияние на развитие пореформенного кабардинского общества. Такие акценты стали появляться только в новейших исследованиях Т. Х. Кумыкова, К. Р. Соблировой, А. Х. Абазова, И. Х. Тхамоковой, Р. Н. Дзагова и О. А. Жанситова.⁴ Нами уже рассматривались различные

¹ См.: Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013; Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа: материалы X конгр. антропологов и этнологов России. М., 2014.

² См.: Канукова З. В. Старый Владикавказ: историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008; Туаева Б. В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX — начале XX вв. Владикавказ, 2008; Она же. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX — первой трети XX веков. Владикавказ, 2010; Дзалаева К. Р. Городская культура осетин (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владикавказ, 2009.

³ См.: Кабанов А. С. Нальчик — столица советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960; Пеннер В. Я., Пеннер Н. В. Нальчик глазами современников. Нальчик, 1993.

⁴ См.: Кумыков Т. Х. Роль Нальчика в развитии культуры и просвещения // Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX в. Нальчик, 2002. С. 423–431; Соблирова К. Р. Развитие экономики Нальчика в XIX — начале XX веков // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2009. № 2. С. 20–24; Она же. Место и роль провинциального города в российском социокультурном пространстве (на материалах г. Нальчик 20-х гг. XIX в. — 30-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011; Абазов А. Х. Этнокультурные процессы у моздокских кабардинцев в последней трети XVIII — XIX вв. // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа С. 47–60; Тхамокова И. Х. Русское население Кабардино-Балкарии в XIX — начале XXI в.: динамика этнокультурных границ.

формы воздействия городской культуры на традиционное кабардинское общество, в основном через влияние таких региональных центров, как Владикавказ, Пятигорск, Екатеринодар и др.⁵

В традиционной поселенческой культуре кабардинского общества отсутствовали городские поселения. По мнению В. Х. Кажарова, в силу гипертрофированного развития вотчинного принципа и крепостного права, что препятствовало появлению относительно свободных социальных слоев, в Кабарде так и не сложились предпосылки к образованию городов.⁶ Близкой точки зрения придерживается О. А. Жанситов, полагающий, что городские формы организации жизнедеятельности были чужды традиционному кабардинскому обществу и что даже в составе Российской империи, «для того, чтобы привить народу новые ценности, кардинально изменить прежний образ жизни и тем самым вызвать заинтересованность городом, требовался более длительный адаптивно-ассимиляционный период его пребывания под русской властью».⁷

В конце 1750-х гг. на северо-восточную окраину Кабарды, в урочище на берегу Терека, вместе с подданными переселился малокабардинский князь Кургоко Кончокин. Притесняемый владельцами Большой Кабарды, в поисках защиты и покровительства он не только принес присягу на верность России (как это делали до него многие кабардинские князья), но и пошел на крайнюю меру — крестился. Его переселение было экстраординарным политическим выбором, разорвавшим все его прежние связи с аристократической элитой Кабарды. Под предлогом защиты К. Кончокина, но в большей мере для обеспечения интересов российского правительства в Центральном Предкавказье был заложен Моздок (как русская крепость). Как отмечал В. А. Потто, «при основании Моздока едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию

Кавказа. Кабардинцы со своей стороны видели в Моздокском укреплении посягательство на их свободу и усиленно помогали сделанным на этот счет распоряжениям».⁸ Русская крепость привлекала притесняемых владельцев, крепостных крестьян, занимала степные пастбища и мешала свободному продвижению стад к соляным озерам и поэтому вызывала недовольство.⁹ В 1764–1765 гг. кабардинские владельцы обращались с просьбами о сносе крепости.¹⁰ Отказ в этом стал одним из факторов нарастающей конфронтации кабардинской аристократии с российскими властями. Современные кабардинские историки интерпретируют возведение Моздока как отправную точку, предпосылку Кавказской войны.¹¹

Тем не менее российские военные власти первоначально связывали с Моздоком перспективы налаживания добрососедских связей с Кабардой, выделяя материальные средства на «приласкание приезжающих кабардинских владельцев и старшин». С этой целью рядом с офицерскими и солдатскими помещениями был возведен «дом для принятия кабардинских владельцев», рассчитанный на то, что вслед за Кургоко Кончокиным последуют и другие.¹² Ожидания российских властей не оправдались. Моздокские кабардинцы сложились в этнокультурную группу, религиозно и социально обособившуюся от социокультурного пространства Кабарды.¹³ Если в 1764 г. кабардинцев в Моздоке насчитывалось всего лишь 15 человек обоюбого пола, то к середине XIX в. — уже более 550.¹⁴ С учреждением в Кабарде в 1793 г. родовых

Нальчик, 2014. С. 52–64; Дзагов Р. Н. Полиэтническое население Нальчика: опыт экономической адаптации и интеграции (XIX — начало XX в.) // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI — начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов: сб. науч. ст. по материалам регион. науч. интернет-конф. Нальчик, 2015. С. 164–174; Жанситов О. А. Проект города Ф. Бековича-Черкасского: попытка урбанизации кабардинцев // Изв. КБНЦ РАН. 2015. Вып. 6 (68). С. 116–121.

⁵ См.: Прасолов Д. Н. Город как фактор этнокультурных трансформаций в традиционном кабардинском обществе // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. М., 2014. С. 34–47.

⁶ См.: Кажаров В. Х. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 89, 90.

⁷ Жанситов О. А. Указ. соч. С. 120.

⁸ Потто В. А. Кавказская война. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. Вып. 1. СПб., 1887. С. 52, 53.

⁹ См.: Архипова Е. В. Государственные границы России на Кавказе: формирование и современные проблемы безопасности. Волгоград, 2014. С. 35.

¹⁰ См.: Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. 1: 1763–1774 гг. Нальчик, 1996. С. 54–58, 114, 122–139, 172.

¹¹ См.: Кажаров В. Х. Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. С. 75; Бгажноков Б. Х. Моздок в истории Кавказской войны // Кавказская война: события, факты, уроки: материалы междунар. науч. конф. (г. Нальчик, 15–19 октября 2014 г.). Нальчик, 2014. С. 3–22.

¹² См.: Город Моздок: исторический очерк. Владикавказ, 1995. С. 25, 26.

¹³ См.: Викторин В. М. Моздокские и курские кабардинцы: специфика этносоциального и конфессионального развития, межэтнических связей и современной субэтнокультурной самоорганизации. К 450-летию региона в составе России // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2006. № 1. С. 21–27; Абазов А. Х. Моздокские кабардинцы в контексте истории Моздока в последней трети XVIII — XIX в. // X конгр. антропологов и этнологов России: тез. докл. М., 2013. С. 91.

¹⁴ См.: Великая Н. Н. Этнический состав города Моздока (вторая половина XVIII — первая половина XIX века) // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. С. 65.

судов и расправ, подчиненных Моздокскому пограничному суду, началась интеграция кабардинцев в административно-судебную систему Российской империи.¹⁵ Даже после замены в 1807 г. родовых судов и расправ духовными судами — мехкеме — новые судебные органы до 1822 г. продолжали отсылать отчеты о своей деятельности в Моздокский пограничный суд. В силу всех этих обстоятельств Моздок оставался символом российского присутствия в регионе, вынесенным уже за пределы традиционного пространства жизнедеятельности кабардинцев.

В 1785 г. крепость Екатериноградская, образованная ранее в составе Азово-Моздокской линии и являвшаяся отправным пунктом Военно-Грузинской дороги, была преобразована в город и до 1790 г. оставалась центром Кавказской губернии.¹⁶ Кратковременность этого статуса объяснялась слишком частыми нападениями кабардинцев, недовольных строительством крепости на их территории. После перемещения губернского центра в Георгиевск Екатериноград постепенно превратился в заштатный город и в 1822 г., после упразднения крепости, был преобразован в станицу, не оказав существенного влияния на социокультурное развитие кабардинцев.

В 1818 г. в ходе завершения военно-политического покорения Кабарды А. П. Ермоловым в предгорной части Кабарды была возведена Нальчикская крепость. В 1822 г. в ней был образован Кабардинский временный суд, который сосредоточил основные административно-судебные функции в новой крепости.¹⁷ В 1838 г. при ней было основано военное поселение.

Первое предложение о преобразовании Нальчика в город было высказано кабардинским князем на русской военной службе Ф. Бековичем-Черкасским. В 1829 г. в рапорте графу Паскевичу он писал: «...представляется величайшею пользою для возведения их [кабардинцев] на степень благородного образования основать город около Нальчикской крепости как пункт, составляющий средоточие всей Кабарды».¹⁸

Основной смысл проекта сводился к тому, что город должен стать экономическим, политическим и культурно-просветительским центром, в котором княжеско-дворянская молодежь, встретившись с более развитыми формами общественной жизни, встанет на путь «перевоспитания» и не будет больше предаваться «сумбурной» и «разбойной» жизни, усвоит лояльность российской власти.¹⁹

Детальный и, в целом, просветительски «настроенный» проект Ф. Бековича-Черкасского представлял собой утопический план интеграции кабардинского общества в административно-судебное и социально-экономическое пространство Российской империи. В нем предлагались меры по конструированию новых идентичностей кабардинцев как добропорядочных подданных через приобщение их к оседлому образу жизни, комфорту и роскоши, стимулирующей престижное потребление. И если моздокский случай К. Кончокина сопровождался сменой религиозной идентичности, то проект Бековича-Черкасского предполагал обеспечение в городе необходимых условий для сохранения и воспроизводства исламской идентичности кабардинцев.

Проект предлагал организовать в городе деятельность уже исключенного из практики управления Кабардой духовного суда — мехкеме и интегрировать кабардинцев в конфессиональное пространство лояльных российских мусульман, «вызвав» в город «на первый раз до двух сот семейств из татар казанских и астраханских, равно в Кавказской области обитающих, охотно на сие согласных».²⁰ Таким образом, культуртрегерские задачи городского проекта виделись Ф. Бековичу-Черкасскому в стимулировании подражательных стратегий через восприятие опыта адаптации к имперским условиям других мусульманских народов.

Проект Ф. Бековича-Черкасского остался достоянием только лишь административной переписки. Тем не менее некоторые интеграционные стратегии, предложенные в нем, были реализованы по мере развития Нальчика как административного центра Кабарды. Именно с деятельностью Кабардинского временного суда были связаны первые факты пребывания кабардинцев в Нальчикской крепости. Однако

¹⁵ См.: Абазов А. Х. Административно-судебные реформы 1793 г. в Кабарде и их последствия // Ист. вестн. 2010. № 9. С. 44–61; Он же. К вопросу о деятельности родовых судов и расправ в Кабарде (1793–1807 гг.) // Социально-гуманит. Вестн. Юга России. 2010. № 6/1. С. 196–205.

¹⁶ См.: Опрышко О. Л. По тропам истории. Нальчик, 2007. С. 307.

¹⁷ См.: Абазов А. Х. Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. 2015. № 9 (41). М., 2015. С. 150–170.

¹⁸ Акты Кавказской археографической комиссии (далее — АКАК). Тифлис, 1878. Т. 7. С. 871, 872.

¹⁹ См.: Айларова С. А. Об одном урбанистическом проекте Ф. А. Бековича-Черкасского // Изв. СОИГСИ. Вып. 3 (42). Владикавказ, 2009. С. 104.

²⁰ АКАК. Т. 7. С. 871.

лишь некоторые кабардинцы, например секретари суда Я. Шарданов и Ш. Ногмов, во второй четверти XIX в. проживали здесь стационарно.²¹ Отчасти это объяснялось ограничениями, которые вводились для предотвращения участвовавших здесь краж. С этой целью членам временного суда, «имеющим квартиры в Нальчике по обязанностям службы», запрещалось «ни под каким предлогом пускать ночевать к себе посторонних кабардинцев, князей, узденей или черного народа какого бы племени они ни были; вообще на дворе своем каждый вправе иметь только прислугу и без оружия».²² Другим объяснением таких ограничений являлись обстоятельства продолжавшейся Кавказской войны, в ходе которой наиболее крупное обострение ситуации в Кабарде произошло весной 1846 г. в связи с вторжением Шамиля.

Освоение российских городских традиций отличалось ситуативностью, например, в форме участия кабардинцев в праздничных государственных мероприятиях. В декабре 1843 г. и мае 1844 г. в Нальчикской крепости были организованы праздничные мероприятия по случаю пожалования Николаем I знамени «кабардинскому народу», с привлечением представителей всех кабардинских аулов и «старшин» соседних горских обществ. Торжества сочетали в себе целый ряд атрибутов массовых государственных праздников, в том числе парад, салют и официальный прием с европейскими танцами.²³

Впоследствии уже в Нальчикской слободе проводились торжества по случаю объявления об освобождении зависимых сословий в 1866 г.,²⁴ закрепления за кабардинским народом Нагорных и Зольских пастбищ 21 мая 1889 г.²⁵ (позднее в ознаменование этого события 21 мая вблизи Нальчика регулярно устраивалась «Народная скачка»²⁶), а также по случаю коронации в 1883 г. Александра III²⁷ и в

1896 г. — Николая II.²⁸ Помимо официальной части, все эти мероприятия сопровождались шумными танцами и обязательными скачками. Тем самым в гуманитарной культуре кабардинцев укоренялись элементы имперской праздничной культуры, соединявшиеся с наиболее колоритными народными традициями.

После пленения Шамиля в 1859 г. Нальчикская крепость исчерпала свое стратегическое значение; прилегающее к ней поселение в 1862 г. было преобразовано в слободу, ставшую центром Кабардинского округа. В 1863–1869 гг. слобода сконцентрировала на своей территории основные административные функции и стала местом важных мероприятий по подготовке и реализации земельной и крестьянской реформ в Кабарде и в соседних горских (балкарских) обществах.

Особая роль принадлежала Нальчикской слободе как месту проведения Сборов доверенных. Впервые об организации «народных сборов» в крепости Нальчик упоминается в документе 1826 г.: «...когда нужно будет по каким-либо делам производить народные собрания, всегда на таковые испрашивать ... разрешения и доносить об этом заблаговременно; а собрания производить близ крепости Нальчикской и давать мне о том знать, в коих я и сам буду присутствовать и решать дела в пользу народа».²⁹ С 1860-х гг. уже как Съезд доверенных этот орган самоуправления под председательством начальника округа собирался, по меньшей мере, ежегодно для избрания депутатов Окружного, а затем Нальчикского горского словесного суда, для обсуждения проблем землепользования, местного благоустройства и многих других актуальных вопросов жизнедеятельности кабардинцев и балкарцев. В распоряжении Съезда доверенных находилась Кабардинская общественная сумма, формировавшаяся из судебных штрафов и подесятинной платы за пользование Зольскими и Нагорными пастбищами.

Следует отметить, что с началом пореформенного периода экономической уклад слободы не обеспечивал достаточных условий для стимулирования торгово-хозяйственных стратегий кабардинцев. По заключению председателя Комиссии по личным и поземельным правам туземцев Терской области Д. Кодзкова (кабардинца по происхождению), в середине 1860-х гг. «хозяйственные занятия

²¹ См.: Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 496–499.

²² Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (далее — УЦГА АС КБР). Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 85–85об.

²³ См.: Бейтуганов С. Н. Указ. соч. С. 163–165, 169, 170.

²⁴ См.: История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 201.

²⁵ См.: Нальчик // Терские ведомости. 1889. 2 июля. № 53.

²⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 26. Л. 5; Г. В. Кабардинские скачки // Терские ведомости. 1900. 28 мая. № 62; Приезжий. Сл. Нальчик // Казбек. Владикавказ, 1903. 31 мая. № 1606. Отд. «От наших корреспондентов»; Кабардинские скачки // Терская жизнь. Владикавказ, 1914. 24 мая. № 65. Отд. «Среди туземцев».

²⁷ См.: Из слободы Нальчик // Терские ведомости. 1883. 4 июня. № 23.

²⁸ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 347. Л. 113–116об.

²⁹ Там же. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 24.

нальчикских жителей очень ограничены: вывоз на линию делового леса, колес, осей, деревянной посуды, угля, лесных плодов, дров из кабардинских лесов, отдача внаем квартир должностным лицам и приезжающим по делам кабардинцам, продажа им сена, печеного хлеба — вот источники их существования, которое этими средствами было бы совершенно безбедно, если бы все добываемые деньги не пропивались в нескольких десятках питейных домов, наполнивших укрепление... Обороты торговли не велики, потому что соседство больших ярмарок в Георгиевске и Моздоке, на которые кабардинцы охотно выезжают, отвлекает сих последних от покупок в Нальчике, где все дорого и дурного качества... по справедливости, хозяйство нальчикских жителей находится в худшем даже состоянии, чем кабардинское, очевидное тому доказательство то, что продавцы нальчикского базара одни кабардинцы; в слободке за дорогую цену не достанешь курицы и мерки картофеля, до последней мелочи жители сами добывают все на базаре у евреев, выменивающих на мелочной товар все жизненные припасы».³⁰ Подводя итоги обзора хозяйственной жизни Нальчикской слободы, Д. Кодзоков признавал, что, вопреки ожиданиям, она так и не стала центром распространения агрикультурных знаний.³¹

В 1868 г. рассматривалась возможность с целью «поощрения и развития сельского хозяйства произвести в окрестностях Нальчика как центре, в котором соединяются интересы всего населения Кабардинского округа, некоторую раздачу казенных земель небольшими участками от 2 до 5 десятин в одни руки с обязательством лиц, пожелавших получить таковые участки, развести на них полезные растения или устроить образцовое хозяйство, могущее благотворительно повлиять на экономический быт кабардинцев».³² Однако и этим планам не удалось воплотиться.

Более того, последующая эксплуатация слободчанами окрестных земледельческих и лесных угодий выявила противоположность их стратегий освоения смежного экологического пространства кабардинским традициям хозяйственного природопользования. Примечательным примером столкновения этнокультурных границ в Нальчикской слободе стала история сада, заложенного в 1840-х гг. князем

Атажуком Атажукиным с разрешения командующего Центром Кавказской линии В. С. Голицына на землях, прилегавших к Нальчикскому поселению. Наследник первого владельца Асланбек Атажукин в 1880-х гг. уступил сад за долги Кабардинской общественной сумме. К этому времени его угодья стали объектом беспорядочного хозяйственного пользования жителями слободы. В конце 1880-х гг. Я. Абрамов описывал запущенный Атажукинский сад как иллюстрацию упадка традиционной кабардинской культуры, разрушаемой хозяйственной деятельностью слободчан.³³

Тем не менее, возросшая хозяйственная роль Нальчикской слободы стала одним из главных аргументов в первом обращении о придании Нальчику статуса города, подготовленном после учреждения в 1882 г. Нальчикского округа. В ходатайстве 1884 г. инициатива исходила от окружного начальства и слободских жителей, без привлечения представителей кабардинского общества. Основные аргументы ходатайствующих заключались в том, что «общий характер занятий и жизнь поселившихся в Нальчике не сельский, а преимущественно городской; что благодаря центральному положению Нальчика среди туземного народа, населяющего обширные пространства плодородной и вообще богатой дарами природы земли, а также удовлетворительным путям сообщения с разными местами округа и главными пунктами округа, Нальчик обязан своему значению как торгового центра и местопребывания в нем окружных учреждений: полицейского управления, суда, школы... в настоящее время слобода представляет вид порядочного города благодаря правильным и широким улицам, бульварам, садам, хорошим постройкам, богатой церкви, аптекам, торговым магазинам, складам, лавкам, торговым рядам и обширному еженедельному базару».³⁴

Преобразование Нальчикской слободы в город было отклонено как преждевременное, но содержание ходатайства отчетливо демонстрировало не только эволюцию слободы, но и рост ее значимости в интеграционных процессах в округе. В этнокультурном ландшафте пореформенной Кабарды слободское пространство становилось контактной зоной, где можно было ожидать наиболее высокую проницаемость

³⁰ Там же. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 140б.—150б.

³¹ Там же. Л. 18.

³² Там же. Л. 54об.

³³ См.: Абрамов Я. Кавказские горцы // Из истории русско-кавказской войны (Документы и материалы). Нальчик, 1991. С. 217—218.

³⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—20б.

этнокультурных границ. Однако границы социальные в самой слободе к началу XX в. превратились едва ли в не главное препятствие развитию ее инфраструктуры.

Основными социальными группами в слободе были «коренные», к которым относились потомки военных поселенцев и крестьяне, включенные в посемейные списки до 1871 г. (около 1650 душ в 1914 г.), и «иностранцы», поселившиеся в слободе позднее «своими домами» (более 5500 душ).³⁵ Большинство из них были русскими.³⁶ Даже в начале XX в. кабардинцы не проживали массово в Нальчикской слободе (по переписи населения 1897 г., их было немногим более 60 чел. из 5000 жителей слободы).³⁷ В 1914 г. их количество возросло до 240 чел. из более 7500 жителей.³⁸ Эти изменения позволяют говорить о том, что в начале XX в. происходила вялотекущая активизация стационарного освоения пространства Нальчика. Но в то же время такая тенденция объяснялась и сложностью водворения в Нальчике.

Ситуативное присутствие кабардинцев в слободской жизни оставалось их наиболее распространенной социокультурной стратегией в окружном центре. Этому способствовали прежде всего административно-судебные функции Нальчика, с которыми было связано появление кабардинцев по делам в окружном правлении и Горском словесном суде. По наблюдениям М. М. Ковалевского, «немалый процент шатающихся по улицам и площади горцев является сюда по тяжёлым делам и проживает здесь по неделям».³⁹ Помимо вполне официальных визитов в Нальчик, кабардинцы проявляли себя здесь и в более неожиданном свете. Так, в 1893 г. К. Хетагуров стал очевидцем «бешенных скачек по улицам», на которые не рисковала реагировать даже слободская полиция: «не всегда безопасно бывает остановить скачущую кавалькаду, потому что “амазонок” всегда сопровождают Амалат-Беки из местной кабардинской молодежи, которые, подобно средневековым рыцарям, никому не позволят безнаказанно “оскорбить” (какое же может быть оскорбление в замечании не скакать сломя голову по улице?) “свою” даму и всегда сумеют дерзкого отхлестать плетью...»⁴⁰ Подобные

способы репрезентации своей идентичности противоречили как слободским, так и традиционным горским правилам приличия, очевидно, создавая у слободчан отталкивающие образы кабардинцев. Это не могло не препятствовать интеграционным этнокультурным процессам в открытом для межэтнического взаимодействия пространстве окружного центра.

В 1898 г. по распоряжению командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта князя Г. С. Голицына Атажукинский сад был передан в фактическое владение кабардинскому народу. Но в начале XX в. нальчикское слободское правление возбудило спор о принадлежности сада во Владикавказском окружном суде.⁴¹ Неопределенность владельческих прав мешала решению вопроса о возведении на его территории нового здания Нальчикского реального училища, с которым представители кабардинского общества связывали перспективы развития среднего образования в Нальчикском округе. В октябре 1913 г. новое здание реального училища было торжественно открыто,⁴² что позволяет предполагать решение вопроса о спорном участке в пользу обособления Атажукинского сада от слободы. С этого же времени в актовом зале Реального училища стали проводиться заседания Съездов доверенных. Это стало существенным сдвигом в стационарном освоении кабардинцами слободского пространства, поскольку до начала XX в. ограниченность административной инфраструктуры обуславливала фактическое сосуществование в одних и тех же зданиях слободы коронной администрации и органов местной судебной и распорядительной власти. Новое, наиболее представительное здание стало ключевым пространством в слободе, концентрирующим самые значимые события в жизни округа: от празднования 300-летия дома Романовых, к которому было приурочено открытие здания, до проводов добровольцев на фронт во время Первой мировой войны и провозглашения политических изменений после Февральской революции 1917 г.

Существенным препятствием длительному нахождению кабардинцев в слободской среде являлось отсутствие здесь условий для совершения религиозных обрядов. В 1907 г. кадии Нальчикского горского словесного суда

³⁵ Там же. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 106. Л. 53.

³⁶ См.: Тхамокова И. Х. Указ. соч. С. 29.

³⁷ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 68. СПб., 1905. С. 61.

³⁸ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 84.

³⁹ Пеннер В. Я., Пеннер Н. В. Указ. соч. С. 30.

⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 33.

⁴¹ Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX века: сб. архивных документов. Нальчик, 2001. С. 222.

⁴² Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 180, 181.

А. Шогенов и С. Энеев выступили с ходатайством перед начальником округа и Съездом доверенных о постройке в слободе мечети.⁴³ В их обращении отмечалось: «...слобода Нальчик составляет центр Нальчикского округа, в которой сосредоточены все административные и судебные учреждения округа, помимо того, сюда же в течение каждого года два раза, а при надобности и более двух раз созывается Съезд доверенным от всех сельских обществ округа для обсуждения вопросов, касающихся всего кабардинского и горского народов; этим доверенным проживающим здесь постоянно лицам, приезжим жителям округа и многим являющимся в Нальчик в течение года по вызову Горского суда и административных учреждений зачастую приходится проживать в Нальчике по нескольку дней, как в обыкновенные дни, так и в дни Уразы (поста), и оставаться за отсутствием мечети без совершения религиозных обрядов, хотя в этом ощущается сильная и необходимая потребность народа».⁴⁴

Осознание необходимости обеспечения современных условий проявлялось и в ходатайстве 1909 г. о строительстве нового здания Нальчикского горского словесного суда, поскольку прежнее помещение «совершенно не соответствует своему высокому назначению и не может служить народною гордостью, как хранилище их адатов и правил шариата».⁴⁵ Примечательна дальнейшая аргументация председателя суда, раскрывающая сформировавшееся представление о возможности многопланового использования предполагаемого здания: «...искреннее желание устранить этот нравственный пробел из жизни народа, асигновать нужную сумму посредством податного сбора со всего населения для постройки нового удобного здания под Горский словесный суд. В случае, если когда-нибудь Горский суд будет упразднен, дом этот может обслуживать мировое учреждение за вознаграждение в пользу общества».⁴⁶

Образовательные стратегии кабардинцев в Нальчике, реализуемые со второй четверти XIX в. через обучение в аманатской, дворянской, а затем в учрежденной в 1860 г. горской школе, были ограниченными по масштабу и охватывали лишь немногих представителей привилегированных и зажиточных фамилий.

После преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище в 1909 г. образовательная активность кабардинцев даже приобрела отрицательную динамику: на протяжении 1909–1915 гг. количество учеников из горцев (кабардинцев и балкарцев), первоначально превышавшее половину, стало сокращаться.⁴⁷ По объяснению директора Реального училища Д. Мучкапского, это было связано с отказом Кабардинской общественной суммы содержать подготовительные курсы, со снижением уровня подготовки и тем обстоятельством, что «принимаемые ученики поступают с слаборазвитой речью и на приемные экзамены являются обыкновенно переросшими установленную возрастную норму».⁴⁸ Среди таких учащихся более частыми были дисциплинарные нарушения, которые оказывали «дурное влияние и на остальных учеников».⁴⁹ Кабардинская общественная сумма уделяла больше внимания целевой помощи обучавшимся за пределами Нальчикского округа. Например, с 1913 г. было учреждено 10 стипендий по 400 руб. для молодых кабардинцев, обучавшихся в высших учебных заведениях.⁵⁰ На материальной поддержке «реалистов» специализировалось менее состоятельное «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев», собиравшееся в Нальчике с 1906 г.⁵¹

Культурно-просветительские стратегии, реализуемые подобными обществами, в основном продвигались местной интеллигенцией из привилегированных фамилий. Их целевая аудитория была незначительной, по содержанию их активность являлась проявлением элитарной культуры, адаптированной к новой социокультурной реальности, но не отражавшей гуманитарных потребностей подавляющего большинства населения округа.

В 1915 г. в Администрацию кавказского наместника поступило обращение «Общества нальчикского курортного благоустройства» под председательством первого кабардинца, занявшего должность начальника Нальчикского округа, полковника С. Клишбиева.⁵² Оно содержало обоснование необходимости преобразования

⁴³ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 112.

⁴⁴ Там же. Л. 47, 470б.

⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 27. Т. 1. Л. 23.

⁴⁶ Там же. Л. 23, 230б.

⁴⁷ См.: Кумыков Т. Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев. Нальчик, 2002. С. 379, 380.

⁴⁸ Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX века. С. 255, 256.

⁴⁹ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 62, 620б.

⁵⁰ Там же. Д. 834. Л. 23.

⁵¹ См.: Кумыков Т. Х. Общественная мысль... С. 418–422.

⁵² См.: Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 190, 194.

Нальчикской слободы в город с введением в нем «упрощенного городского устройства» и объявления предполагаемого города климатической станцией. В ходатайстве отмечалось: «С 1871 года слобода Нальчик сделалась центром административного управления и торговли на район Нальчикского округа, равного почти целой губернии, а последовавшее с течением времени разрастание слободы вызвало необходимость в открытии здесь среднего учебного заведения (реальное училище в 1909 г.), учреждения почтово-телеграфной конторы, казначейства, камеры судебного следователя, податного инспектора и проч. Таким образом, как административный центр Нальчик сосредоточил в себе все учреждения, обычные для уездного города».⁵³ В документе также подчеркивались инфраструктурные достижения центра Нальчикского округа — проложенная к нему в 1913 г. железнодорожная ветка, сооружение водопровода, курзала, гостиницы, пруда и мостов, в финансировании строительства которых приняло участие Акционерное общество Владикавказской железной дороги.⁵⁴

Неравноправие административных статусов коренных и иногородних жителей слободы теперь уже представлялось как главное препятствие не только городскому развитию, но и экологическому сохранению природно-хозяйственного ландшафта. В ходатайстве 1915 г. отмечалось, что при действующем общественном управлении в Нальчике «вершителями судеб его являются выборные от коренных жителей крестьяне — люди в громадном большинстве малокультурные, неспособные на широкое понимание вещей и рассматривающие все сквозь призму своих мелких узкохозяйственных интересов. Они не могут возвыситься до сознания громадной ценности окружающих их даров природы, и не только благоустроить Нальчика, но наоборот: легко может случиться, что леса, окружающие слободу, будут вырублены (и вырубаются), как в самой слободе, так и вокруг нее возникнут какие-либо заводские и промышленные предприятия; начнется спуск в реку всяких отбросов и нечистот; в результате от прелестей и достоинств Нальчика как курорта останутся одни воспоминания».⁵⁵

Преобладание прав коренных жителей над иногородними даже в региональной прессе отмечалось как причина косности, бытовой

и санитарной неустроенности и бесперспективности курортного развития Нальчикской слободы.⁵⁶ О состоянии Нальчикского курорта с сочувствием писали «Петроградские ведомости»: «Чтобы спасти Нальчик, начальник округа возбудил ходатайство об обращении его в город, рассчитывая, что включение в число правомочных членов общества новых людей, которые, по слободскому положению, не имели права голоса, может благоприятно отразиться на устройстве местечка. Ходатайство это областной администрацией поддерживается. Нальчикская интеллигенция, главным образом служебная, которая здесь прижилась, имеет домики, но не имеет прав, надеется, что введение городского положения может сдвинуть курорт с мёртвой точки».⁵⁷

Ходатайство 1915 г. стало последней попыткой придать центру Нальчикского округа городской статус. Несмотря на развитие транспортной и рекреационной инфраструктуры, а также на возросшее административное и культурное значение Нальчикской слободы, обстоятельства военного времени отложили городские преобразования.

Подводя итоги отметим, что, в силу особенностей военно-политического покорения Кабарды, из городов, учреждавшихся на ее территории, только Нальчик приобрел качества перспективно городского поселения, организующего социально-экономическую и культурную жизнь кабардинского общества во второй четверти XIX — начале XX в. Среди стратегий освоения возможностей Нальчика кабардинцами реализовывались административно-судебные, торгово-хозяйственные, образовательные и культурно-просветительские формы социальной активности. Однако Нальчик, возникнув как крепость, дополнившись военным поселением, а затем получив статус слободы, так и не добился юридического признания его фактически городского значения в Нальчикском округе. Замкнутость социальной организации слободы, недостаточная приспособленность ее поселенческой структуры, несовместимость экологических подходов к эксплуатации ее природного ландшафта и сохранявшийся языковой барьер ограничивали этнокультурное взаимодействие. Локальные стратегии адаптации пространства Нальчикской слободы к нуждам развития кабардинского общества

⁵³ УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 106. Л. 53.

⁵⁴ Там же. Л. 73–74.

⁵⁵ Там же. Л. 17.

⁵⁶ Терские ведомости. 1908. 29 авг.

⁵⁷ УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 106. Л. 16.

стали приносить реальные плоды только в начале XX в., но в силу объективных процессов, протекавших в Российской империи не получили завершения.

Неудачи проектов и ходатайств о придании Нальчику городского статуса ограничивали вовлечение кабардинцев в урбанизационные процессы на своей территории и «перенаправляли» многих представителей кабардинского общества в города, располагавшиеся за пределами административных границ Кабарды в составе Российской империи. По мере углубления интеграции края в социокультурное пространство Российской империи северокавказские города, располагавшиеся вне традиционного пространства жизнедеятельности кабардинцев, выступали в качестве административных центров, определявших направления развития политической и правовой культуры, расширяли круг торгово-хозяйственных

контактов, транслировали традиционному сельскому сообществу новые формы престижного потребления. Моздок, Георгиевск, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Ставрополь и Екатеринбург еще ранее, чем Нальчик, стали форпостами российской государственной власти, выполняя функции военных и административно-судебных центров, однако впоследствии превосходили его в торгово-хозяйственном и культурно-просветительском плане, а также в отношении перспектив карьерного роста и, разумеется, престижа. В восприятии самих кабардинцев они и рассматривались как «настоящие города». Возможно, не случайно, что в 1922 г. глава Кабардино-Балкарской АО Б. Калмыков добивался у союзного руководства включения Пятигорска в состав автономии и переноса туда ее столицы из Нальчика, только недавно статусом города. Однако эта идея не была поддержана ВЦИК.⁵⁸

Dmitry N. Prasolov

Candidate of Historical Sciences, Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches (Russia, Nalchik)

E-mail: dmparasolov@gmail.com

NALCHIK AND THE KABARDA SOCIETY IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

Using the city of Nalchik as a case study the author studied the specifics of implementation of urban social, economic and cultural strategies by the representatives of the Kabarda society in the process of Northern Caucasus integration into the administrative-political and socio-cultural system of the Russian Empire. The Kabarda military and political conquest started in the second half of the 18th century. Certain role in the process was played by the Russian fortresses Mozdok and Ekaterinograd in the Kabarda territory which later grew into towns, however never became the administrative centers of the area. Nalchik, which was built as a fortress in 1818 was complemented in 1838 by a military town, and in 1862 received a 'sloboda' status, however even after becoming the center of the Kabarda (beginning from 1882 — Nalchik) district and in fact fulfilling the city functions it did not officially receive the status of a city until 1917. The article describes the forms of administrative-judicial, commercial and economic, as well as cultural and educational strategies implementation in Nalchik, indicating their limited and situational nature, and studies the factors which prevented retaining the Kabarda population within the socio-cultural space of the district center. The closeness of the *sloboda's* social organization, insufficient adaptation of its settlement structure to the religious needs of the local people, incompatibility of environmental practices with its natural landscape use, and the remaining language barrier restricted the opportunities for ethno-cultural interactions. Analysis of the prevailing trends of assimilation by the Kabarda society and the Nalchik *sloboda* population of various forms of urban culture demonstrated that their mismatch, and in some instances, inconsistency, resulting from the strength of the social and cultural borderlines, stood in the way of urbanization processes in the Nalchik district.

Keywords: Kabardians, Nalchik, integration, the Russian Empire, the Nalchik district, an urbanization, suburban self-government, Congress entrusted, Mountain verbal court

⁵⁸ См.: Пеннер В. Я., Пеннер Н. В. Указ. соч. С. 62, 63.

REFERENCES

- Beytuganov S. N. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: history and surnames]. Nalchik: Elbrus Publ., 2007. 784 p. (in Russ.).
- Cherkesy i drugie narody Severo-zapadnogo Kavkaza v period pravleniya imperatritsy Yekateriny II* [Circassians and other people of the Northwest Caucasus in the period of government of the empress Catherine II]. Vol. 1: 1763–1774. Nalchik: El-fa Publ., 1996. (in Russ.).
- Gorod Mozdok: Istoricheskiy ocherk* [Mozdok city: Historical essay]. Vladikavkaz: RIPP im. V. A. Gassieva Publ., 1995. 279 p. (in Russ.).
- Gorod v etnokulturnom prostranstve narodov Kavkaza. Materialy X kongressa etnografov i antropologov Rossii* [The city in ethnocultural space of the people of the Caucasus. Materials of the 10th Congress of ethnologists and anthropologists of Russia]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2014. 234 p. (in Russ.).
- Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii* [History of the centuries-old commonwealth. To the 450 anniversary of the union and a unification of the people of Kabardino-Balkaria and Russia]. Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovykh Publ., 2007. 720 p. (in Russ.).
- Kabanov A. S. *Nalchik — stolitsa sovetskoy Kabardino-Balkarii* [Nalchik — the capital of the Soviet Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Elbrus Publ., 1960. 125 p. (in Russ.).
- Kavkazskiy gorod: potentsial etnokulturnykh svyazey v urbanisticheskoy srede* [Caucasian city: potential of ethnocultural relations in the urbanistic environment]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2013. 432 p. (in Russ.).
- Kazharov V. Kh. *Adygskaya khasa: Iz istorii soslovno-predstavitelnykh uchrezhdeniy feodalnoy Cherkesii* [Adyghe hasa: From history of class representative institutions of feudal Circassia]. Nalchik: Elbrus Publ., 1992. 128 p. (in Russ.).
- Kazharov V. Kh. *Adygskaya votchina* [Adyghe patrimony]. Nalchik, 1993. 135 p. (in Russ.).
- Kumykov T. Kh. *Obshchestvennaya mysl i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX — nachale XX v.* [Social thought and education of Adyghe and Balkaro-Karachays in the 19th — early 20th centuries]. Nalchik: Elbrus Publ., 2002. 446 p. (in Russ.).
- Opryshko O. L. *Po tropam istorii* [Along the path of history]. Nalchik: Elbrus Publ., 2007. 208 p. (in Russ.).
- Penner V. Ya., Penner N. V. *Nalchik glazami sovremennikov* [Nalchik by eyes of contemporaries]. Nalchik: El-Fa Publ., 1993. 142 p. (in Russ.).
- Tkhamokova I. Kh. *Russkoe naselenie Kabardino-Balkarii v XIX — nachale XXI v.: dinamika etnokulturnykh granits* [The Russian population of Kabardino-Balkaria in the 19th — early 21st centuries dynamics of ethnocultural borders]. Nalchik: Izdatelskiy otdel KBIGI Publ., 2014. 152 p. (in Russ.).